

АНТИЧНЫЙ
МИР

ГРЕКО- ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

М.Б.
Елисеев

Михаил Борисович Елисеев

Греко-персидские войны

Серия «Античный мир»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64155561
Греко-персидские войны: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4484-8575-6

Аннотация

В греко-персидских войнах победили эллины, но если бы победа осталась за персами, история пошла бы по другому пути. Это была война двух цивилизаций, двух военных школ. Острой фаланги разбились атаки персидской конницы и пехоты, а греческие триеры в быстроте и маневренности превзошли корабли персов. Битвы при Марафоне, Фермопилах, Саламине и Платеях стали легендарными еще в Древнем мире, но многие не менее интересные сражения этих войн остаются в тени. Исследование историка Михаила Елисеева коснется и их.

Также в его книге большое внимание уделено противостоянию персидского царя Кира Великого и лидийского царя Креза, завершившемуся грандиозной битвой при Фимбраре. Этот конфликт явился своеобразным прологом к греко-персидским войнам. Привлекая множество письменных источников, автор подробнейшим образом разбирает военное противостояние

Эллады и державы Ахеменидов и прослеживает весь ход греко-персидских войн.

Содержание

Предисловие	6
Краткий обзор источников	12
I. Гроза над Ойкуменой[4]	23
1. Эллины в Малой Азии	23
2. Крез, сын Алиатта, против Кира, сына Камбиза. 547 г. до н. э	42
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Михаил Елисеев

Греко-персидские войны

© Елисеев М.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Греко-персидские войны относятся к числу тех немногих войн, в которых решалась судьба всего человечества. В этом противостоянии вверх одержали эллины, но останься победа за персами, и история пошла бы по другому пути. Потому что это была война двух разных цивилизаций.

Причина длительного конфликта была одна – агрессивная экспансия персидских царей на Запад. Из нее уже вытекало всё остальное. Сокрушив Лидийское царство, персы столкнулись с эллинами малоазийского побережья Эгейского моря. Противостояние с греческими городами Малой Азии независимо от желания персидских владык приводило их к войне с полисами Балканской Греции. Избежать большой крови было невозможно по определению. Слишком тесными были связи между азиатскими эллинами и европейскими, достаточно было маленькой искры, чтобы вспыхнул пожар большой войны в Эгейском регионе. Что в итоге и произошло. Ионийское восстание и поддержка восставших малоазийских греков Афинами дали персам основание для вторжения в Европу. Однако их первая попытка нападения на Балканскую Грецию потерпела неудачу, поскольку в битве при Марафоне афиняне под командованием Мильтиада разгромили персидский экспедиционный корпус.

Второй поход персов на запад был воистину грандиозным

предприятием: царь Ксеркс собрал огромную армию и лично повел ее против эллинов. Соотношение сил было явно в пользу персов, как на суше, так и на море. Но в этом противостоянии греческая военная организация доказала свое превосходство. О строй фаланги разбились атаки персидской конницы и пехоты, а греческие триеры в быстроте и маневренности превзошли корабли персидского царя. Битвы при Марафоне, Фермопилах, Саламине и Платеях на века прославили греческое оружие и стали легендарными еще в Древнем мире.

По большому счету, именно эти сражения на слуху и в наши дни. В тени остаются битвы при Микале, Артемисии и Саламине на Кипре. Мало кому известна блистательная победа афинского стратега Кимона при Эвримедонте¹, когда в один день он нанес поражение персидскому флоту, затем персидской сухопутной армии и наконец, финикийской эскадре, плывущей на помощь персам. Также не пользуется большой известностью Ионийское восстание малоазийских эллинов против господства персов. Хотя именно после его подавления персидские цари развязали себе руки для атаки на Балканскую Грецию. А битва у острова Лада между объединенным флотом восставших и персидской армадой служит наглядным примером того, как раздоры между союзниками могут погубить удачно начавшееся дело. Разногласия

¹ Эвримедонт – река в Малой Азии, впадающая в Средиземное море, современная Кепрючай.

привели к поражению, и Милет, один из величайших городов Античности, по приказу персидского царя сравнивали с землей. В итоге конфликт между эллинами и персами затянулся на многие десятилетия, Азия пришла в Европу, а затем последовал ответный удар.

Замысел этой книги созрел у меня давно. Но перед тем как приступить к работе, хотелось побывать там, где происходили события Греко-персидских войн. Потому что одно дело – заниматься теорией сидя дома, и совсем другое дело – когда лично прикоснулся к руинам древних городов и прошел по местам жестоких сражений. После этого несколько иначе воспринимаешь историю.

Несколько предварительных замечаний. Прежде всего, я счел необходимым уделить внимание противостоянию лидийского царя Креза и персидского царя Кира. Именно разгром Лидийского царства персами послужил своеобразным прологом к Греко-персидским войнам. Только после падения Лидии персы вышли к Эгейскому морю и вступили в конфликт с городами Ионической Греции и Эолиды. С учетом того, что малоазийские эллины находились в зависимости от лидийских царей, такой подход представляется вполне закономерным.

Еще один принципиальный момент. В данной книге речь пойдет исключительно о военном аспекте противостояния, и основное внимание будет уделено именно боевым действиям. Будут подробно разобраны стратегические планы враж-

дующих сторон и тактика противоборствующих армий. Рассмотрены сражения Греко-персидских войн и их последствия на ход военных кампаний. Вопросы, касающиеся внутренних проблем греческих полисов во время конфликта с державой Ахеменидов, их взаимоотношений друг с другом и государственного устройства не рассматриваются. Я сознательно их обошел, поскольку подробный разбор данной проблематики просто перегружал книгу ненужными деталями и уводил в сторону от главной темы работы. То же самое касается выдающихся политических и военных деятелей эпохи, их биографии освещаются только в контексте войн эллинов с персами.

Во время работы над книгой я пользовался текстом «Истории» Геродота в переводах Ф.Г. Мищенко и Г.А. Стратановского. На мой взгляд, Мищенко более точен в деталях. Наиболее наглядно это видно на примере описания последнего боя спартанцев при Фермопилах. В переводе Г.А. Стратановского это выглядит так: *«Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме – все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там, где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон»* (Herod.VII, 225).

Обрушить стену на гоплитов, занявших оборону на холме, невозможно по определению. Я лично поднимался на этот холм и знаю, о чем говорю. К тому же холм и упомянутая стена находились на достаточном расстоянии друг от друга. Поэтому приведенная выше информация не соответствует действительности. А в переводе Ф.Г. Мищенко данный эпизод выглядит вполне реалистично: *«Они отступили назад, к теснине, миновали стену и все вместе, за исключением фиванцев, расположились на холме. Холм этот возвышается у входа в ущелье, где теперь стоит каменный лев в честь Леонида. В этом месте они защищались мечами, у кого мечи еще уцелели, а также руками и зубами, пока варвары не похоронили их под стрелами, причем одни напали на них спереди **и разрушили до основания стену**, другие обходили их с тыла и таким образом окружали со всех сторон»*. Как видим, картина вырисовывается несколько иная. Причем рассказ об обрушенной на греков стене очень часто кочует из одной научной работы в другую, и никто не задается вопросом – как это вообще можно было сделать?

Данная работа не является специальным исследованием с многочисленными комментариями, ссылками, научным аппаратом и прочими необходимыми атрибутами. Ее цель несколько иная – в популярной и доступной форме, с привлечением как можно большего количества письменных источников, изложить историю Греко-персидских войн. Эта история очень поучительна, ее уроки актуальны и в наши

дни.

Другое дело, правильные ли мы делаем выводы из этих уроков. Недаром великий греческий историк Полибий заметил, что *«изучение минувших событий во всех подробностях и в их истинном значении может дать руководящие указания относительно будущего»* (XII, 25e).

Краткий обзор источников

Основным источником о событиях эпохи Греко-персидских войн является «История» Геродота из Галикарнаса (484–425 гг. до н. э.). Город Галикарнас был основан дорийцами в области Кария на территории Малой Азии в VIII веке до н. э. В античной истории Галикарнас² прославился как место, где находилось одно из семи чудес света – знаменитый Мавзолей, а также своей героической обороной от армии Александра Македонского. И тем, что в нем родился Геродот, «отец истории», как назвал его Цицерон (*De legibus*, I, 1, 5). Память о Геродоте жива в городе и по сей день. У северной стены замка Святого Петра ему установлен памятник – ученый изваян в полный рост и сжимает в руке свиток. У входа в замок стоит бюст «отца истории».

Геродот вел активную политическую жизнь и в итоге был изгнан из Галикарнаса. Некоторое время он жил на острове Самос, а затем отправился путешествовать по миру. Побывал в Египте, Ассирии, Вавилоне, Малой Азии, Северном Причерноморье, Фракии, вдоль и поперек исходил Балканский полуостров. Когда Геродот проживал в Афинах, то познакомился с Периклом и его окружением. Однако здесь историк долго не задержался и в 444 г. до н. э. отправился в

² Галикарнас – современный турецкий Бодрум.

Южную Италию, где принял участие в основании колонии Фурии.

«История» Геродота является не просто хроникой изложения исторических событий, в ней приводится масса сведений по географии и этнографии. Автор анализирует многие мифы и связанные с ними события, пытаясь понять, что в них является правдой, а что вымыслом. История Геродота состоит из девяти книг, но собственно Греко-персидским войнам посвящены разделы с V по IX. В них «отец истории» излагает противостояние эллинов и персов от Ионического восстания, и заканчивает битвами при Платеях и Микале. Также для нас представляют интерес книги I и III, где рассказывается о войне лидийского царя Креза с Киром Великим и о судьбе тирана Поликрата Самосского.

Главная цель труда Геродота – показать борьбу эллинов с могущественной державой Ахеменидов и сохранить в памяти потомков великие подвиги этой эпохи: *«Нижеследующие изыскания Геродот из Галикарнасса представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей, а также чтобы не были бесславно забыты огромные и достойные удивления сооружения, исполненные частью эллинами, частью варварами, главным же образом для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война»*³ (I, 1). Неслучайно свою «Исто-

³ «История» Геродота и «История» Фукидида цитируются в переводе Ф.Г. Мищенко.

рию» он начинает с возвышения Персии при Кире Великом, затем рассказывает о походах Камбиса и Дария I. И только после этого подводит читателя непосредственно к наивысшей точке противостояния – битве при Марафоне и вторжению Ксеркса в Элладу. Историк показывает, как персидские цари достигли небывалого могущества, а затем потерпели сокрушительное поражение в борьбе с маленькими и разобщенными греческими полисами.

Особую ценность труду Геродота придает то, что он не только пользовался официальными документами, но записывал рассказы очевидцев и участников событий. При этом историк не скрывает своих симпатий и антипатий. Но, что примечательно, изображая персидских царей тиранами и захватчиками, Геродот отмечает, что в конфликт с эллинами они были вовлечены по воле рока.

Рассказ Геродота обрывается 479 г. до н. э., «отец истории» так и не сумел довести свой труд до конца. О дальнейшем ходе Греко-персидских войн мы узнаем из «Истории» Фукидида и «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.

Фукидид, сын Олора, не был чистокровным эллином, среди его предков числились фракийцы. В годы Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой Фукидида избрали стратегом, и будущий историк руководил действиями эскадры в северном регионе Эгейского моря. Однако как военачальник проявил себя не с самой лучшей стороны, поскольку спартанский полководец Брасид сумел захватить город Ам-

фиполис, который Фукидид должен был защитить. Неудачливого стратега отстранили от командования, обвинили в измене и изгнали из Афин. Бывший командующий был не бедным человеком. В своем труде он написал о себе в третьем лице следующее: *«Фукидиду принадлежит разработка золотых приисков в этой части Фракии и что благодаря этому он пользуется значением среди влиятельнейших людей материка»* (IV, 105). Удалившись во Фракию, Фукидид приступил к написанию «Истории». После поражения Афин в Пелопоннесской войне в городе была объявлена амнистия, и Фукидид смог вернуться домой. Умер он насильственной смертью предположительно в 395 г. до н. э. Плутарх пишет о том, что Фукидид был убит в городе Скаптесиле во Фракии, после чего его останки перевезли в Аттику и захоронили в родовой усыпальнице афинского стратега Кимона (Сим. 4). Павсаний же рассказывает, что Фукидид был убит после своего возвращения в Афины (I, 23, 11)

Если задачей Геродота было прославить подвиги эллинов в войне с персами, то Фукидид поставил перед собой иную цель: *«Фукидид афинянин написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. Приступил он к труду своему тотчас с момента возникновения войны в той уверенности, что война эта будет войною важною и самую достопримечательною в сравнении со всеми предшествовавшими. Заключал он так из того, что обе воюющие стороны вполне к ней подготовлены,*

а также из того, что прочие эллины, как он видел, стали присоединяться то к одной, то к другой стороне, одни немедленно, другие после некоторого размышления. Действительно, война эта вызвала величайшее движение среди эллинов и некоторой части варваров, да и, можно сказать, среди огромного большинства всех народов» (I, 1). В отличие от Геродота, чей труд в определенной степени можно считать художественным произведением, «История» Фукидида – сугубо научный труд. Историк критически отозвался о своих предшественниках, очевидно подразумевая и Геродота: «Столь мало большинство людей озабочено отысканием истины и охотнее принимает готовые мнения. И все же не ошибется тот, кто рассмотренные мною события признает, скорее всего, в том виде, в каком я сообщил их на основании упомянутых свидетельств, кто в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевающим эти события с преувеличениями и прикрасами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: ими рассказываются события, ничем не подтвержденные и за давностью времени, когда они были, превратившиеся большей частью в невероятное и сказочное. Пусть знают, что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько это позволяет древность их» (I, 21).

В дальнейшем Фукидид более подробно остановится на

методах своей работы над текстом «Истории»: «*Что же касается имевших место в течение войны событий, то я не считал согласным со своею задачею записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого. Изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон или основываясь на своей памяти. Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем и могущем, по свойству человеческой природы, повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде. Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки» (I, 22).*

«История» Фукидида состоит из восьми книг, но событиям Греко-персидских войн посвящена только первая книга. В ней излагается история Греции с древнейших времен до начала Пелопоннесской войны. Вкратце рассказывается и о противостоянии эллинов с державой Ахеменидов.

Автор знаменитых «Сравнительных жизнеописаний»

Плутарх из греческого города Херонея жил в I в. н. э., был образованным человеком и занимал высокое положение в римской администрации. Херонея была местом, где два раза решалась судьба Эллады. Первый раз это случилось 2 августа 338 г. до н. э., когда македонская армия Филиппа II нанесла поражение объединенной греческой армии. В 86 г. до н. э. при Херонее был разбит римлянами стратег Митридата Евпатора Архелай.

Из многочисленных биографий Плутарха эпохе Греко-персидских войн посвящены жизнеописания Фемистокла, Аристиды и Кимона. Первые две биографии прекрасно дополняют информацию Геродота, а третья – сведения Фукидида. Однако в отличие от своих предшественников у Плутарха несколько иной подход к изложению материала: *«Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов. Подобно тому, как художники, мало обращая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив*

другим воспевать великие дела и битвы» (Alex. 1). По замыслу писателя, в этих биографиях читатели должны находить примеры того, чему надо подражать и чего следует избегать. Плутарх любит пересказывать сплетни и анекдоты, но в его работах сохранилось множество ценных фактов, не упомянутых у других историков.

Римский историк Корнелий Непот, автор книги «О знаменитых иноземных полководцах», также написал биографии известных военачальников, среди которых были и герои Греко-персидских войн. Непот родился на севере Италии в 109 г. до н. э. Впоследствии проживал в Риме, где познакомился со знаменитыми современниками – Цицероном, Помпонием Аттиком и Валерием Катуллом. Главное сочинение Непота называлась «О знаменитых людях» и состояло из нескольких книг, где присутствовали биографии полководцев, деятелей культуры и других выдающихся личностей.

Непот писал простым и доступным языком, в отличие от Плутарха он просто констатировал факты. Другое дело, насколько приводимая им информация была достоверна. В предисловии к своей работе Корнелий Непот отметил, что хотел рассказать *«о доблести греков, сообразуясь с их нравами»*. Нас интересуют биографии Мильтиада, Фемистокла, Аристида, Павсания и Кимона, военачальников, чьи победы предопределили исход Греко-персидских войн.

Не обошел вниманием противостояние Эллады и державы Ахеменидов Диодор Сицилийский (прим. 90–30 гг. до

н. э.), древнегреческий историк из города Агириума на Сицилии. Его труд под названием «Историческая библиотека» состоял из 40 книг, разделенных на 3 части. Первые 6 книг описывали географию, культуру и историю Египта, Месопотамии, Индии, Скифии, Северной Африки, Греции и Европы. Следующий раздел был посвящен всемирной истории от Троянской войны до смерти Александра Македонского. В заключительной части рассказывалась о войнах диадохов и последующих событиях вплоть до галльских войн Юлия Цезаря. Из «Исторической библиотеки» полностью сохранились книги с I по V и с XI по XX, остальные до нашего времени дошли во фрагментах. Эпохе Греко-персидских войн посвящены книги IX, X, XI и XII. Некоторые факты, которые излагает Сицилиец, расходятся с информацией Геродота, но это не значит, что их надо бездумно отвергать. Диодор очень подробно описывает события, произошедшие после битвы при Платях, и это придает его труду особую ценность, поскольку «отец истории» данный период времени не осветил.

Особняком стоит сочинение Ктесия Книдского «Персика». Ктесий был личностью примечательной. Попав в плен к персам, он умудрился стать личным врачом Артаксеркса II и был свидетелем битвы при Кунаксе (401 г. до н. э.). Впоследствии вернулся домой в Книд, где засел за написание исторических трудов. Однако уже писатели Античности сомневались в достоверности приводимых Ктесием фактов. Недаром Плутарх в биографии Артаксеркса отметил, «*что сочи-*

нения его полны невероятнейших и глупейших басен» (1). С греком из Херонеи нельзя не согласиться, поскольку одно описание гибели Кира Великого Ктесием дорогого стоит. Там и боевые слоны, и индусы, и еще много чего всякого интересного. Хотя некоторые сведения, сообщаемые Ктесием, заслуживают самого пристального внимания.

У греческого историка Ксенофонта нет работ, посвященных войнам эллинов с персами. Но зато у него есть немало информации о военном деле Греции и державы Ахеменидов. Будучи профессиональным военным, Ксенофонт очень хорошо знал то, о чем писал. Здесь стоит отметить «Анабасис», «Киропедию» и две работы, посвященные кавалерии: «Гиппарх» и «О коннице». «Киропедия» посвящена жизни персидского царя Кира Великого, и в ней подробно описывается война персов с Лидийским царством. Другое дело, что «Киропедия» является в большей степени историческим романом, чем серьезным историческим исследованием, поскольку многие общеизвестные факты Ксенофонт сознательно искажает. Но за нагромождением различных фантастических подробностей мы можем отыскать ценную информацию о военном деле в державе Ахеменидов. Немалую роль сыграл в этом богатый боевой опыт писателя, полученный во время сражений с персами. Историк принимал участие в знаменитом походе греческих наемников на помощь Киру Младшему, сражался в битве при Кунаксе и был выбран одним из стратегов во время отступления эллинов из Азии.

Особняком стоит трагедия Эсхила (525–456 гг. до н. э.) «Персы», где рассказывается о поражении Ксеркса в сражении у Саламина и возвращении в Сузы. Как Геродот считается «отцом истории», так и Эсхила можно считать отцом греческой трагедии. Эсхил родился в городе Элевсине и принимал участие в Греко-персидских войнах, сражаясь при Марафоне, Артемисии и Саламине. Его брат Кинегир прославил свое имя в Марафонской битве, а другой брат, Аминий, был героем сражения при Саламине. Эта битва в трагедии «Персы» описана столь ярко, что нет никаких сомнений в том, что автор был ее участником. Видел своими глазами, как тонут персидские корабли и как доблестно сражаются соотечественники. В этой трагедии Эсхил противопоставляет храбрость и благородство эллинов деспотизму персов, отражает торжество греческих полисов над монархией Ахеменидов. «Персы» прекрасно передают дух и колорит эпохи.

Информацию о Греко-персидских войнах можно найти в работах географа Страбона и путешественника Павсания. В принципе это все основные письменные источники по истории противостояния эллинов и державы Ахеменидов. Хотя некоторые сведения встречаются в речах Демосфена и Лисия, диалогах Платона, «Пестрых рассказах» Клавдия Эллиана, «Пире мудрецов» Афинейя, работах Аристотеля и ряде других произведений античных авторов.

I. Гроза над Ойкуменой⁴

1. Эллины в Малой Азии

Непосредственной причиной Греко-персидских войн стало подчинение персидскими царями греческих городов в Малой Азии. Именно завоевание областей Ионии и Эолиды привело в дальнейшем Ахеменидов к серии войн с полисами Балканской Греции. Поэтому перед тем, как перейти к разбору собственно военных действий, необходимо вкратце ознакомиться с положением дел в регионе.

Область Ионии протянулась вдоль западного побережья Анатолии, ее естественными границами были река Герм⁵ на севере и река Меандр⁶ на юге. Большая часть городов Ионической Греции располагались на берегу моря, что сыграло важнейшую роль в дальнейшем развитии региона. Его освоение началось задолго до появления ионийцев, первыми здесь появились выходцы с острова Крит. Произошло это в XVI веке до н. э.⁷ Согласно мифологической традиции именно

⁴ Ойкумена – так древние греки называли обитаемый мир.

⁵ Герм – современная река Гедиз в Турции.

⁶ Меандр – современная река Большой Мендерес в Турции.

⁷ Лаптева М. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э. С. 20.

тогда был основан Милет: *«Когда к их берегам пристал Милет с войском критян, то оба – и земля и город – переименовали свое название по имени Милета. А Милет и бывшее с ним войско прибыли из Крита, убегая от Миноса, сына Европы»* (Paus.VII, 2, 3). На критское происхождение Милета указывает и Страбон: *«По сообщению Эфора, это место впервые основали и укрепили над морем критяне, там, где теперь расположен древний Милет. Сарпедон вывел туда поселенцев из критского Милета и назвал город по имени критского города; местностью этой прежде владели лелеги»* (XIV, I, 6).

Сведения о том, что именно минойцы первыми осваивали земли будущей Ионии, сохранились в труде Диодора Сицилийского. Эту колонизацию он связывает с именем Радаманта, брата легендарного царя Крита Миноса: *«Он овладел множеством островов и обширной областью в приморской части Азии, причем тамошние жители добровольно перешли под власть Радаманта, прослышав о его справедливости. Одному из своих сыновей, Эрифру, он передал царскую власть над получившими от последнего свое имя Эрифрами, Хиос отдал Энопиону, сыну Ариадны, дочери Миноса»* (V, 79). Павсаний упоминает город Колофон, около которого находился храм Аполлона в Кларосе: *«Жители Колофона считают святилище и оракула в Кларосе в числе самых древнейших. По их словам, когда этой землей владели еще карийцы, первыми из эллинских племен прибыли сюда критяне,*

под начальством Ракия» (VII, 3, 1). Страбон пишет о том, что «Магнесия на Меандре – колония фессалийских магнетов и критян» (XIV, I, 11). Таким образом, можно говорить о том, что кроме Милета в этот период времени были основаны Эрифры, Колофон, Магнесия на Меандре и Хиос, город на одноименном острове. При этом данные письменных источников подтверждаются археологическими находками.

Вторая волна колонизации началась с прибытием в Малую Азию ахейских племен. Это уже XV–XIII вв. до н. э. Ахейцы не только занимали критские поселения, как это случилось в Милете или на Хиосе, но и основывали собственные.

Массовое переселение ионийцев в Малую Азию начинается в XII–XI вв. до н. э. Дорийское завоевание спровоцировало новую волну миграции, и тысячи людей устремились из Балканской Греции на восток. Согласно преданиям, ионийцы так назывались по имени легендарного афинского царя Иона, внука царя Фессалии Эллина. Всего же было четыре племени – ионийцы, эолийцы, ахейцы и дорийцы. Впрочем, не надо думать, что в колонизации западного побережья Анатолии принимали участие исключительно ионийцы, вместе с ними туда устремились и представители других племен. Как и ахейцы, ионийцы не только занимали минойские и ахейские поселения, но и строили новые. Страбон перечисляет 12 ионийских городов: Милет, Миунт, Лебедос, Колофон, Приену, Теос, Эрифры, Фокею, Клазомены, Хиос, Са-

мос и Эфес, который географ называет «царской столицей ионийцев» (XIV, I, 3). Впрочем, Павсаний в этот список добавляет Смирну, но почему-то считает его двенадцатым городом, а не тринадцатым, хотя он и был захвачен силой у соседей: «Смирну, один из 12 эолийских городов, лежащий на том самом месте, где еще и в мое время находился город, называемый Старым городом, эту Смирну ионяне, двинувшись из Колофона, отняли у эолян и ею завладели; впоследствии ионяне разрешили жителям Смирны участвовать в собрании в Панионийском центре» (VII, 5, 1). Впрочем, в VII веке до н. э. Смирна будет разрушена войсками лидийского царя Алиатта и количество ионийских городов вновь станет двенадцать.

Геродот в буквальном смысле слова пропоет похвалу Ионии, а заодно обратит внимание на лингвистические особенности местных наречий. Судите сами: «Те ионяне, которым принадлежит Панионий, основали свои города под таким небом и в таком климате, благодатнее которых мы не знаем ни в какой другой стране. С Ионией не могут сравниться ни страны, лежащие выше и ниже ее, ни те, что лежат на восток от нее или на запад: одни страдают от холода и сырости, другие от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном и том же языке, но на четырех наречиях. Первым из этих городов на юге лежит Милет, за ним следуют Миунт и Приена; все три города находятся в Карии, и жители их говорят одним и тем же языком. В Лидии находят-

ся следующие города: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея. Говоря между собой на одном и том же языке, они с прежде названными городами не имеют по языку ничего общего. Из трех остальных ионийских городов два лежат на островах Самос и Хиос, один – Эрифры – на суше. Жители Хиоса и Эрифры говорят на одном языке, а жители Самоса стоят по языку отдельно от них. Таковы четыре наречия языка» (I, 42).

Павсаний также обращает внимание на климат Ионии: «Иония отличается прекрасным климатом и ровной температурой воздуха; в ней есть храмы, каких нет нигде» (VII). После этого следует перечисление различных достопримечательностей, как природных, так и рукотворных. А завершает свой экскурс Павсаний следующими проникновенными словами: «Много в Ионии удивительного, ничуть не меньше, чем в самой Элладе» (VII, 5, 6). Поэтому можно понять тех завоевателей, что раз за разом стремились подчинить Ионию.

Это был очень богатый край. Выгодное географическое положение Ионической Греции способствовало тому, что наряду с мореплаванием, торговлей и рыболовством в ней развивались ремесла и сельское хозяйство. Например, плодородная Каистрийская равнина, где протекала река Каистр⁸, и долина Меандра были своеобразной житницей Ионии. Каистр брал начало у горы Тмол в Лидии и впадал в Эгейское море у Эфеса, а истоки Меандра находились около

⁸ Каистр – современная река Малый Мендерес в Турции.

города Келены во Фригии. Принципиальное значение имел и тот факт, что Иония находилась на пересечении торговых путей с востока на запад и с запада на восток.

Знаменитый архитектурный ордер – ионический, по информации Витрувия, был изобретен именно местными мастерами: *«Ордер был назван ионийским, потому что впервые был создан ионийцами»* (IV, I, 8). Витрувий также рассказал, как это произошло: *«На капители поместили волюты, свисающие справа и слева наподобие завитых локонов, и, словно прической, украсили передние части их киматиями и плодовыми гирляндами, а по всему стволу провели каннелюры, спускающиеся подобно складкам на платье замужних женщин»* (IV, I, 8). По мнению архитектора, дорические колонны подражали неукрашенной и голой мужской красоте, а ионические – утонченности женщин, их украшениям и соразмерности.

Я не вижу смысла подробно разбирать, чем был богат и известен каждый из ионийских городов, ограничусь лишь несколькими, наиболее показательными примерами. Здесь, прежде всего, хотелось бы упомянуть остров Самос: *«Самос не богат вином, хотя окружающие острова производят вино в изобилии, а бо́льшая часть всего примыкающего к нему материка даже славится прекрасными винами, например Хиос, Лесбос и Кос. Действительно, эфесские и метропольские вина хороши; Месогиды, Тмол, Катакекавмена, Книд, Смирна и другие менее значительные местности тоже до-*

ставляют замечательно хорошие вина, или приятные на вкус, или годные для лечебных целей. Таким образом, что касается вин, то Самосу не особенно посчастливилось; в прочих же отношениях это – благословенная страна, как это видно уже из того, что из-за острова нередко происходили войны; кроме того, хвалители острова не колебались применять к нему поговорку, что на Самосе “есть даже птичье молоко”, как где-то сказал Менандр» (Strab. XIV, I, 15).

Именно на Самосе будут возводиться грандиозные постройки, поражающие воображение современников: «Я потому распространился о самосцах, что у них есть три сооружения, громаднейшие из всех эллинских сооружений. Первое из них в горе, поднимающейся на полтора сажени; это – туннель, начинающийся из-под горы, с отверстиями по обеим сторонам ее. Длина туннеля семь стадиев, а высота и ширина по восьми футов. Во всю длину туннеля выкопан канал в двадцать локтей глубиной и в три фута шириной; через него проведена вода из обильного источника; с помощью насосных труб она доставляется в город. Строителем туннеля был мегарец Евпалий, сын Навстрофа. Это – одно из трех сооружений; второе – насыпь земляная в море около гавани в двадцать сажени вышины и в два с лишком стадия длины. Третье сооружение – храм, обширнейший из всех известных нам храмов. Первым строителем его был уроженец острова, Рек, сын Филея. Вот почему я подольше остановился на самосцах» (III, 60).

Подземный водопровод, известный в наши дни как Эвпалинов туннель, сохранился до наших дней и является одной из главных достопримечательностей деревушки Пифагорио на острове Самос. Не так повезло храму Геры, поскольку от него остались в основном одни фундаменты. Посреди развалин высится одинокая колонна, совершенно не дающая представление о том чудесном сооружении, что так восхитило Геродота. Дамба же вообще не сохранилась.

Впрочем, на Самосе умели не только хорошо строить, но работать с металлами, причем местные умельцы часто выступали новаторами в своем деле: *«Феодор и Ройк с Самоса были первыми, кто стал плавить медь»* (Paus. IX, 41, 1). Павсаний несколько раз будет обращать внимание на данный факт: *«Феодор из Самоса, который первым изобрел способ плавить железо и лить из него статуи»* (III, 12, 8). Впрочем, здесь путешественник допустил ошибку, поскольку речь явно шла не о железе, а о меди. Но в дальнейшем он свою оговорку исправит: *«Способ изготовления ими медных изображений я указал уже раньше при описании Спарты, когда я говорил о статуе Зевса Вышнего. Первыми, кто стал плавить медь и выливать статуи, были Ройк, сын Филея, и Феодор, сын Телекла, родом с Самоса»* (VIII, 14, 5). Со временем Самос займет ведущее положение среди ионийских городов, и, когда большинство из них подчинятся персам, самосцы не только сохранят независимость, но и добьются господства на море. Правда, этот период будет про-

должаться недолго.

Славился своими искусными ремесленниками и остров Хиос. Их изделия и спустя много веков производили неизгладимое впечатление. Павсаний, посетив Дельфы, осмотрел местную сокровищницу и сделал следующую запись: *«Из тех даров, которые сюда посылали лидийские цари, ничего не осталось, кроме железной подставки для чаши Алиатта. Это произведение Главка с Хиоса, который изобрел способ паять железо. Каждая пластинка этой подставки прикреплена к другой не болтами или гвоздями, но одна только пайка соединяет их вместе и служит для железа скреплением. Общий вид подставки больше всего похож на башню, суживающуюся кверху с широким основанием внизу. Каждая сторона этой подставки является не сплошной, но по ней проходят продольные полосы железа, как ступеньки на лестнице. В верхнем краю эти железные полосы, которые шли до сих пор прямо, загибаются наружу, и это есть место, куда ставился кратер (чаша)»* (X, 16, 1).

Примечательно, что про эту подставку для чаши писал и Геродот, также отметивший искусную работу мастера с Хиоса: *«Лидийский царь Алиатт царствовал пятьдесят семь лет и умер по окончании войны с милетянами. За излечение от болезни он, второй из этого дома, пожертвовал в Дельфы большую серебряную чашу и железный спаянный подчашник; среди священных даров в Дельфах это последнее пожертвование заслуживает внимания; подчашник сде-*

лан Главком Хиосским, единственным изобретателем пайки железа» (I, 25). Уроженцем Самоса был знаменитый философ и математик Пифагор.

Очень интересен был город Колофон, о котором местные жители говорили, что он древнейший среди городов Ионии. Рядом с ним находилось знаменитое святилище Аполлона в Кларосе, известное всем эллинам. Но прославились граждане Колофона не только этим: *«Некогда колофонцы владели значительными морскими силами, а также конницей, причем в этой последней они достигли такого превосходства над другими, что в каких бы только сражениях, где победа давалась с трудом, ни появлялась на помощь колофонская конница, она решала дело; отчего и пошла поговорка: "Он взял себе в помощь Колофон", когда делу бывал прочно положен конец»* (Strab. XIV, I, 28). Полиэн пишет о колофонянах, как о людях, *«имеющих большое конное войско, коней»* (VII, 2, 2).

Удивительное дело! Когда речь заходит о лучшей греческой кавалерии, то многие не задумываясь назовут фессалийскую конницу. Как оказывается, у фессалийцев были конкуренты, пусть и в Ионической Греции. К сожалению, о колофонской коннице известно очень мало.

И наконец, Милет, краса и гордость Ионии. Город располагался на полуострове, омываемом водами Латмийского залива, и обладал четырьмя гаванями для торговых и боевых кораблей. Причем, по словам Страбона, одна из них

могла вместить целый флот (XIV, I, 6). Это необычайно способствовало развитию торговли и мореходства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно милетяне начали активно выводить колонии, их Плиний Старший насчитал 90. Среди них было немало городов, сыгравших значительную роль в истории Древнего мира. Это, прежде всего, Синопа, Трапезунд, Ольвия, Пантикапей, Феодосия, Абидос, Кизик...

Главным храмом Милета было святилище Аполлона Дельфиния, покровителя города. От него не осталось практически ничего, за исключением остатков фундаментов с фрагментами стен, и обломков мраморных колонн, лежащих в грязи вокруг святилища. Храм стоял там, где раньше находилась Львиная бухта, но теперь море ушло, и вся местность вокруг оказалась сильно заболоченной.

Но не храм Аполлона Дельфиния был главным религиозным центром в регионе. В 30 км от Милета было святилище Аполлона в Дидиме, и этот оракул был известен далеко за пределами Ионии. От города до храма протянулась мощеная камнем Священная дорога, по которой в праздничные дни ходили торжественные процессии. Небольшой фрагмент этой дороги около храма Аполлона в Дидиме сохранился до наших дней. Знатный милетянин Бранх был родоначальником рода Бранхидов, бессменных жрецов оракула в Дидиме.

Однако не только культом Аполлона был знаменит Милет. Его уроженец Фалес, по словам Геродота, был первым

среди эллинов, кто занялся естествознанием и математикой. Впоследствии ученый был причислен к семи мудрецам Древней Греции. Его последователи Анаксимандр и Анаксимен прославили на всю Элладу милетскую школу философии, причем Анаксимандр был учеником Фалеса, а Анаксимен – учеником Анаксимандра. Архитектор Гипподам из Милета стал застраивать города по регулярной планировке. А знаменитого историка и географа Гекатия Милетского, автора не дошедшей до нас «Истории», можно с полным правом назвать предшественником Геродота. В Милете появился первый греческий алфавит, первые солнечные часы и первый циркуль.

Впрочем, милетяне прославились не только своими достижениями, но и любовью к роскоши. Их страсть к различным нехорошим излишествам стала притчей во языцех, и недаром впоследствии Афиней высмеивал граждан Милета: *«Милетяне, пока не впали в роскошь, одерживали победы над скифами (как пишет о том Эфор) и поэтому основали города на Геллеспонте и славные поселения на Эвксинском Понте – все они тяготели к Милету. Но когда они поддались наслаждению и роскоши, говорит Аристотель, то мужество отлетело от их города, и тогда возникла пословица: “Храбры когда-то были и милетяне”»* (XII, 26).

В дальнейшем Афиней вновь обратится к теме «красивой» жизни жителей Милета: *«Клеарх в четвертой книге “Об образе жизни” рассказывает, что милетяне впали в рос-*

кошь из зависти к колофонянам, а потом распространили эту роскошь и в соседних городах; но когда их за это стали попрекать, то вспомнили пословицу: “Милетское – милетянам, а вовсе не на вынос”» (XII, 26). Впрочем, когда наступали трудные времена, в городе начинали проповедовать совсем другие приоритеты.

Тем не менее противоречия между правящей аристократической верхушкой Милета и богатой прослойкой городского населения, с одной стороны, и простыми гражданами были достаточно велики. Это неоднократно приводило к особо ожесточенным конфликтам на социальной почве. Об одном из них, случившемся в VI в. до н. э., рассказал Афиней: «Гераклид Понтийский во второй книге “О справедливости” пишет: “Город милетян пал от бедствий, рожденных роскошью и гражданскими распрями, ибо в нем каждый, не зная чувства меры, истреблял своих врагов до самого корня. Так, когда зажиточные граждане вступили в борьбу с протонародьем, которое звали «гергитами», и поначалу верх одерживал народ, то, изгнавши богачеев из города, они собрали детей изгнанников на току и предали преступнейшей казни – насмерть затоптали волами. Зато и богачи, взявши верх, обмазывали своих пленников смолою и заживо сжигали всех вместе с детьми. Говорят, что когда они горели, было явлено много знамений: священная олива вспыхнула сама собой, а бог Аполлон, долго отказывавший им в вещаниях, на вопрос “за что?” ответил так:

*“Много печалит меня беззащитных убийство гергитов,
Участь сгоревших в смоле и навеки увядшее древо”»* (XII,
26).

После всех этих ужасов несколько иначе начинаешь смотреть на греческих тиранов, железной рукой подавлявших смуту в своих городах.

На севере Ионическая Греция граничила с Эолидой, на востоке – с Лидийским царством, а на юге – с областью Карию. Иония не была населена чистокровными ионийцами, на что обратил внимание еще Геродот. А кому как не «отцу истории» было об этом знать, поскольку он родился в столице Карию Галикарнасе! Поэтому данная информация заслуживает самого пристального внимания: *«Было бы крайне неразумно утверждать, будто азиатские ионяне более настоящие, нежели остальные, или более высокого происхождения. Напротив, немалую долю их составляли абанты с острова Евбея, которые никогда не обозначаются одним именем с ионянами; с ними смешались также минийцы орхоменские, кадмейцы, дриопы, восставшие фокейцы, молоссы, аркадские пеласги, дорийцы из Эпидавра и многие другие племена. Даже те из ионян, которые отправлялись от афинского пританея и считают себя благороднее всех остальных, даже и эти не взяли с собой жещин в колонию, но сочетались с кариянками, родителей которых умертвили»* (I, 146). Получается, что ионийцы могли столкнуться не толь-

ко с проблемами внешними, поскольку со всех сторон они были окружены недружественными соседями, но, с проблемами внутренними. Противоречия между представителями различных племен и народов были достаточно велики.

Перед лицом внешней угрозы эллинам, проживающим между реками Герм и Меандр, требовалась определенная консолидация. И казалось, что проблема будет решена созданием Панионийского союза. В это объединение сначала вошло двенадцать ионийских городов, а затем к ним присоединилась Смирна. Но произошло это только после того, как город захватили колофоняне.

Главным культовым и политическим центром нового союза стал Панионий, где находился алтарь бога Посейдона: *«Панионий – священная местность на Микале, на северной стороне мыса, посвященная ионийским союзом Посейдону Геликонию. Микале – мыс, выдающийся на запад по направлению к Самосу. Сюда собираются из городов ионяне на праздник, названный ими Паниониями»* (Herod. I, 148). Исключительное значение Паниония для ионийцев отмечает и Павсаний: *«Здесь лежал город Гелика и самая высшая святыня ионян – храм Посейдона Геликония»* (VII, 24, 3). Сегодня от святилища практически ничего не осталось, за исключением нескольких ступеней бульвтериона. Развалины Паниония находятся около небольшого турецкого городка Гюзельчамлы.

Некоторые подробности исполнения религиозных обря-

дов в святилище сообщает Страбон: *«Первый пункт на побережье – это Панионий, лежащий в 3 стадиях над морем, где справляются Панионии – общий праздник ионийцев – и совершаются жертвоприношения в честь Посидона Геликонского. Жрецами при жертвоприношениях являются приенцы»* (XIV, 4, 20). Как видим, граждане Приены удостоились очень высокой чести. Почему так произошло, сказать трудно, хотя не исключено, что свою роль сыграл и тот фактор, что Приена находится недалеко от святилища, прямо по другую сторону горного хребта. В отличие от Паниония, этот город хорошо сохранился. Развалины Приены лежат на террасах южных отрогов горы Микале и заросли соснами, но, тем не менее, производят сильнейшее впечатление. Город был перестроен по системе Гипподама из Милета и имеет четкую планировку, а на самой вершине скалы, возвышающийся над Приеной, находится городской акрополь. Правда, большинство построек относится к эллинистическому периоду.

Был в Приене и свой мудрец по имени Биант. Именно ему Цицерон приписывает знаменитую фразу *«Все свое ношу с собой»* (Parad. Stoic. I, 1). Как рассказывает римский оратор, когда Приена была захвачена врагами, то ее граждане спешно покидали город, вынося свое имущество. И только Биант шел с пустыми руками, а на совет соседей взять с собой что-либо ценное ответил той самой фразой, что сохранилась в веках. Впрочем, Диоген Лаэртский ни о чем подобном в жизни Бианта не упоминает, а похожую историю рассказывает

о философе Стильпоне из Мегар (II, 11). Но как бы там не было, а именно Биант считался первым среди семи мудрецов Древней Греции. Недаром Диоген Лаэртский, ссылаясь на философа Гераклита Эфесского, написал: «*Был в Приене Биант, сын Тевтама, в котором больше толку, чем в других*» (I, 5). Но о Приене достаточно.

Первым и, очевидно, последним масштабным предприятием Панионийского союза, когда его участники единым фронтом выступили против общего врага, была Мелийская война. Двенадцать ионийских городов против карийского города Мелии, расположенного на мысе Микале. В результате войны Мелия была разрушена, а ее население перебито или изгнано. Случилось это, по мнению М.Ю. Лаптевой, не позднее VIII в. до н. э.

В целом же, как военная организация, Панионийский союз оказался недееспособным, что со всей очевидностью и проявилось во время Греко-персидских войн.

* * *

К северу от Ионии находилась Эолида. Здесь обосновались эолийцы, которые согласно легендарной традиции, как и ионийцы, происходили от фессалийского царя Эллина. Но если у ионийцев родоначальником был Ион, то у эолийцев прародителем считался его брат Эол. Впрочем, между двумя народами было много общего, даже количество городов,

основанных эолийцами в Малой Азии, соответствовало числу ионийских городов: «Города эолийские следующие: Кима, называемая Фриконидой, Ларисы, Неон Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгироесса, Питана, Эгеи, Мирина, Гриния. Эти одиннадцать городов эолийцев первоначальные; один из эолийских городов, Смирна, отнят у них ионянами; эолийских городов на материке было двенадцать. Эолийцам пришлось занять страну, хотя более плодородную, нежели ионянам, но не со столь благодатным климатом...

Таковы эолийские города на суше; мы не считаем еще эолийцев, живущих на горе Иде и стоящих особо. Из городов, лежащих на островах, пять находятся на Лесбосе; жители тамошнего шестого города – Арисбу – обращены в рабство мэфимнейцами, несмотря на единство происхождения; один город находится на Тенедосе и один – на так называемых «Ста островах»» (Herod. I, 149). Под «Ста островами» Геродот подразумевает множество небольших островков между Лесбосом и материком. Примечательно, что Магнесию на Мандре Страбон также относит к эолийским городам: «Первый город после Эфеса – это эолийская Магнесия, так называемая Магнесия на Меандре, так как она лежит вблизи этой реки» (XIV, I, 39). Между эолийцами и ионийцами периодически вспыхивали войны, о чем свидетельствует борьба за Смирну.

Достижения эолийцев не были столь впечатляющими, как у их южных соседей, однако именно на Лесбосе в VII–VI вв.

до нашей эры появляется целая плеяда блестящих поэтов. Имена Сапфо, Ариона и Алкея были известны всему эллинскому миру.

Самой большой бедой малоазийских греков было то, что они не могли объединиться перед лицом внешней угрозы. Но проблема была не только во взаимоотношениях эолийцев с ионийцами. Панионийский союз со временем превратился в чисто религиозную организацию, и не мог решать вставших перед ним глобальных задач. С востока надвигалась буря, и шансов устоять перед ней у эллинов Малой Азии практически не было.

2. Крез, сын Алиатта, против Кира, сына Камбиза. 547 г. до н. э

Богат и славен царь Лидии Крез, сын Алиатта. Раскинулись его владения от берегов Эгейского моря до реки Галис, разделяющий Анатолийский полуостров на две части. На обширных равнинах Лидии пасутся огромные табуны лошадей, бродят отары овец, а крестьяне возделывают плодородные поля, наполняя урожаем царские хранилища для зерна. Купеческие караваны с запада на восток и с востока на запад идут по землям Креза. С каждым днем богатеет его казна, нескончаемыми ручейками течет в нее золотой песок из золотоносной реки Пактол. Подвалы царского дворца набиты неместными сокровищами, но их не становится меньше, наоборот, лишь увеличивается богатство сына Алиатта.

Множество народов подчинил себе Крез, имена побежденных ласкают слух грозного владыки. Его воины сильны и непобедимы, а знаменитая лидийская конница наводит ужас на врагов царя. Но не только силою своего воинства и богатством знаменит лидийский царь, славится он и необычайным благочестием. В Дельфы, Додону, Дидим и другие достославные святилища посылает Крез богатейшие дары, вызывая изумление эллинов. Царь чтит богов и рассчитывает на их милости.

Но все же тревожно на душе у Креза, ибо предстоит при-

нять ему судьбоносное решение, способное изменить судьбу Ойкумены – идти или не идти войной на персидского царя Кира?

* * *

История Лидийского царства нам в основном известна из полулегендарных рассказов Геродота. Немного информации можно найти в трудах Страбона и Павсания, а также в художественных произведениях некоторых античных авторов. Особенно восхищала их столица Лидии Сарды. В наши дни от былого великолепия осталось немного, это в основном постройки римского и византийского периода. Но если отойти в сторону от шоссе, то мы увидим остатки одного из самых величественных сооружений эпохи Греко-персидских войн – храма Артемиды, построенного царем Крезом. Уцелели две ионические колонны и остатки каменных стен. К востоку от святилища возвышается скала, на которой находился неприступный акрополь. *«Взгляни туда, вон на ту твердыню, что обнесена тройной стеной. Это – Сарды»* – так писал об этом городе Лукиан Самосатский⁹. Геродот обращает внимание на другой аспект: *«Достопримечательностей, заслуживающих описания, каковые имеются в других странах, в Лидии нет, за исключением золотого песка, который*

⁹ Лукиан Самосатский. Харон, или Наблюдатели.9.

вода несет с Тмола» (I, 93). Для «отца истории» лидийцы – это люди, «занимающие страну благодатную и владеющие множеством денег» (V, 49).

Географ Страбон оставил интересное описание Лидии, вошедшей к этому времени в состав римской провинции Азия: *«Сарды – большой город, хотя и возникший позднее Троянской войны, но все же древний, с сильно укрепленным кремлем. Это была царская резиденция лидийцев, которых Гомер называет меионами. Позднейшие авторы называют их меонийцами, причем одни отождествляют их с лидийцами, а другие отличают их от последних; но правильней считать их одной народностью. Над Сардами возвышается Тмол – плодоносная гора с наблюдательным пунктом на вершине, представляющем собой крытую галерею из белого мрамора; это постройка персов, откуда открывается вид на окрестные равнины, в особенности на равнину Каистра. Кругом обитают лидийцы, мисийцы и македонцы. Река Пактол течет с Тмола; в древние времена она была очень золотоносной, отчего, говорят, так и прославилось богатство Креза и его предков. В настоящее время золотой песок пропал. Пактол впадает в Герм, в который вливается и Гилл, теперь называемый Фригием. По словам Геродота, эти 3 реки сливаются с другими, менее значительными, и затем впадают в море вблизи Фокеи. Герм берет начало в Мисии, на горе, посвященной Диндимене, и течет через Катакекавмену в область Сард и прилегающие равнины, как я уже сказал,*

к морю. Под городом простираются равнины Сард, Кира, Герма и Каистра, примыкающие друг к другу и самые красивые из всех равнин. В 40 стадиях от города лежит озеро, называемое Гомером Гигея и впоследствии переименованное в Колою; там находится святилище Артемиды Колоенской, которое считается великой святыней» (XIII, IV, 5). За исключением того, что в окрестностях Сард теперь жили македонцы и в реке Пактол исчез золотой песок, вряд ли что изменилось со времен царя Креза.

Лидийское царство находилось на западе Анатолийского полуострова, однако в силу ряда причин до поры до времени не имело выхода к Эгейскому морю. Территория Лидии была богата полезными ископаемыми, в частности, добывалось золото, серебро, медь и железо. Плодородная почва, орошаемая реками Меандр, Герм, Пактол, давала богатые урожаи зерновых, по склонам гор произрастали виноградники. Обширные равнины способствовали развитию скотоводства. Немалые доходы приносила торговля, поскольку в силу своего географического положения Лидийское царство служило своеобразным мостом между Востоком и Западом. Большое внимание лидийцы уделяли развитию экономики: «Они первые, насколько нам известно, ввели в употребление золотую и серебряную чеканную монету, они же были первыми мелочными торговцами» (Herod. I, 94). Как видим, страна обладала значительными ресурсами для проведения активной внешней политики.

По свидетельству Геродота, изначально в Лидии правили потомки Геракла, но в VII в. до н. э. в стране произошел государственный переворот, и к власти пришла династия Мермнадов. Геродот пишет о том, что последнего представителя Гераклидов звали Кандавл, а Николай Дамасский называет его Адиатт. «Отец истории» делает участницей заговора царицу, а у Николая Дамасского женщина становится жертвой обстоятельств. Но оба историка сходятся в одном – правителя убил его телохранитель по имени Гигес. Это была примечательная личность: *«Гигес отличался красотой и высоким ростом, он был отличным воином, во всем значительно превосходил своих сверстников, упражнялся в верховой езде и в умении владеть оружием»*¹⁰ (Николай Дамасский). Занимаемая должность значительно облегчала Гигесу возможность привести в исполнение преступный замысел: он просто явился ночью в царскую спальню и прикончил своего повелителя. Утром в окружении сообщников убийца явился перед народом и объявил себя царем. После чего женился на вдове убитого монарха.

Геродот пишет о том, что Гигес за 38 лет своего царствования не совершил ничего достойного внимания (I, 14). «Отец истории» упоминает только походы на Милет и Смирну, да захват Колофона. В действительности лидийскому царю было не до великих дел, поскольку его страна постоянно подвергалась набегам киммерийцев. На борьбу с ними Гигес

¹⁰ История Древнего Востока. Тексты и документы. С. 375.

и бросил все силы. Но поскольку справиться с кочевниками не удалось, он обратился за помощью к ассирийскому царю Ашшурбанапалу. Признав номинальную зависимость от Ассирии, лидийский царь с помощью грозных союзников разбил киммерийцев и очистил от варваров свои земли.

Затем у Гигеса наступило головокружение от успехов, и он решил избавиться от унижительного, по его мнению, протектората Ассирии. Мало того, он заключил союз со злейшим врагом ассирийцев египетским фараоном Псамметихом. Последствия такой недалёковидности сказались очень быстро и имели трагические последствия как для Гигеса лично, так и для всего Лидийского царства. Ашшурбанапал дал знать киммерийцам, что не собирается больше поддерживать неблагодарного союзника, и орды кочевников снова вторглись в Лидию. Армия Гигеса была разбита, сам он убит, а столица Сарды сожжена варварами. Устоял только акрополь, расположенный на неприступной скале. В этой критической ситуации сын Гигеса, Ардис, признал зависимость от Ассирии и заручился поддержкой Ашшурбанапала. Случилось это в 644 г. до н. э.

Геродот излагает ход событий несколько иначе, у него вторжение киммерийцев происходит в правление Ардиса. Однако эта информация опровергается сведениями из «Летописи Ашшурбанапала»¹¹. На мой взгляд, есть смысл про-

¹¹ «Летопись Ашшурбанапала» была найдена на развалинах Ниневии в 1878? г. Написана клинописью на десятигранной глиняной призме.

цитировать этот интереснейший документ: «Гуггу (Гигесу), царю Лудди (Лидии), области, что по ту сторону моря, местности отдаленной, произнесения имени которой цари, отцы мои; не слышали, во сне имя мое открыл бог Аишшур, мой создатель, говоря: “Ноги Аишшурбанапала, царя Ассирии, обними и произнесением имени его побеждай твоих врагов”».

В тот день, когда он увидел этот сон, послал он своего гонца, чтобы спросить о моем благополучии. Сон этот, который он увидел, через посланца своего он передал и сообщил мне. С того дня, как он обнял ноги моей царственности, гимиррайцев, притеснявших народ его страны, которые не чтили моих предков и меня, не обнимали ног моей царственности, он победил с помощью Аишшура и Иштар, богов, моих владык. Из среды начальников поселений гимиррайцев, которых он победил, двух начальников поселений в колодки, железные оковы и железные цепи он заковал и вместе со своими тяжелыми дарами прислал мне.

Своего гонца, которого он постоянно присылал спрашивать о моем благополучии, он перестал посылать. О том, что он слово Аишшура, бога, моего создателя, не соблюл, понадеялся на свою собственную силу и ожесточил сердце и свои войска для союза с Пишамилки (Псамметихом), царем страны Муцур (Египта), который сбросил ярмо моего владычества, он послал, я услышал и взмолился Аишшуру и Иштар, говоря: “Перед врагом его труп его пусть будет бро-

шен и пусть будут унесены кости его!”

Как я просил Аишура, так и произошло.

Перед врагом его труп его был брошен и были унесены кости его.

Гимиррайцы, которых он произнесением имени моего растоптал, вторглись и ниспровергли всю его страну. После него его сын воссел на его трон. О злом деле, которое по моей молитве боги, мои помощники, причинили отцу – его создателю, – он известил меня через своего посланца и обнял ноги моей царственности, говоря: “Царь, которого знает бог, – ты! Ты проклял моего отца, и на него пало зло! Меня, раба, чтущего тебя, благослови и да буду я нести твое ярмо!”»¹²

Признание номинальной зависимости от Ассирии позволило Ардису избавиться от киммерийцев и активизировать свою политику в отношении малоазийских эллинов. Лидийский царь захватил Приену, после чего решил развить успех и выступил походом на Милет. Однако милетяне отразили вторжение, и на этом война ионических греков с лидийцами закончилась. Согласно Геродоту, Ардис правил 49 лет, после него царствовали сначала сын Садиатт, а затем внук Алиатт, отец Креза. Садиатт продолжил политику отца и повел активное наступление на Милет.

Это была странная война. Не имея сил взять город штурмом, лидийский царь каждый год во время сбора урожая вторгался в земли милетян и опустошал поля. Селения не

¹² История Древнего Востока. Тексты и документы. С. 368–369.

разорял, дома не жег, зато уничтожал весь хлеб на полях. Разбив несколько раз в открытом бою ополчение Милета, Саддиат так и не достиг решительного успеха. Флот эллинов господствовал на море и всегда доставлял в город необходимое количество припасов. Но что примечательно, за исключением Хиоса, ни один город Ионической Греции не оказал помощи Милету. Малоазийские эллины заняли выжидательную позицию. В разгар боевых действий Саддиат умер и войну продолжил его сын Алиатт.

Именно с Алиаттом Геродот связывает изгнание из Азии киммерийцев. После ослабления Ассирии лидийский царь продолжает активную внешнюю политику на восточных границах и вступает в конфликт с могущественным Мидийским царством. Боевые действия продолжались с переменным успехом в течение пяти лет и закончились заключением мирного договора. Мидийский царевич Астиаг женился на дочери Алиатта Ариенис, а границей между двумя государствами стала река Галис. На восточных рубежах Лидии воцарилась тишина.

Все это время не прекращалось противостояние с Милетом. Не сумев добиться на этом фронте каких-либо значительных успехов, Алиатт решил нанести удар по другим греческим городам Эгейского побережья. Первой жертвой лидийской агрессии стала Смирна. Город был не просто захвачен, а разрушен до основания, о чем есть упоминание в «Географии» Страбона: *«После разрушения Смирны лидий-*

цами она продолжала около 400 лет существовать в виде простого селения. Затем ее восстановили Антигон и позднее Лисимах, а теперь это – самый красивый из всех ионийских городов» (XIV, I, 37). Трудно сказать, чем руководствовался Алиатт, когда приказал разорить город, не исключено, что царь просто не рассчитывал удержать его в своих руках. Хотя могла быть и иная причина. Рассказывая о Мессенских войнах, Павсаний приводит следующую информацию: «Аристомен и Феокл старались возбудить в мессенянах отчаянную решимость, приводя среди многих других примеров также и доблестную решимость жителей Смирны, напоминая своим мессенянам, как эти обитатели Смирны, будучи лишь частью маловоенственных ионян, благодаря своей доблести и смелости, выгнали Гига, сына Даскила, и лидийцев, уже захвативших их город» (IV, 21, 5). Получается, что еще Гигес пытался овладеть этим городом, но потерпел серьезную неудачу. Поэтому нельзя исключить и того, что Алиатт просто сводил личные счеты с жителями Смирны, мстя им за поражение предка.

Окрыленный успехом, царь продолжил наступление на ионические города. Полиэн рассказывает об одном эпизоде этой длительной кампании (VII, 2, 2). Опасаясь знаменитой колофонской конницы, Алиатт заключил с этим городом союз и пригласил отряд всадников к себе на службу. Всячески поощряя кавалеристов, он назначил им двойное жалование и пригласил по этому поводу на праздничный пир в Сарды.

Колофонский отряд подошел к столице и разбил лагерь у ее стен. Оставив коней на попечении слуг, эллины отправились в город. Но как только они вступили в Сарды и углубились в лабиринт городских улиц, городская стража закрыла ворота, а лидийские пехотинцы внезапно набросились на колофонян и всех перебили. Захваченных коней Аллиат раздал своим воинам. Несмотря на этот успех, осада Клазомены завершилась для лидийского царя неудачей, и он был вынужден вернуться домой с большими потерями.

Война тянулась 11 лет, а конца ей не было видно. Лидийцы никогда не были мореходами, а без достижения победы на море покорить Милет и другие эллинские города было невозможно. Очевидно, это осознал и Алиатт. Через посредников он вступил в переговоры с милетянами, после чего между враждующими сторонами был заключен мир. А затем союз и дружба.

Вскоре Алиатт скончался и царем стал его сын Крез.

* * *

Новый царь был воинственным человеком и сразу же развязал серию войн против соседей. Располагая самой сильной армией в регионе, Крез мог позволить себе проводить агрессивную внешнюю политику. У нас практически нет информации о военной организации Лидийского царства, но некоторые выводы мы можем сделать, исходя из сообщений Ге-

родота и других античных авторов.

Главной ударной силой лидийской армии была тяжелая конница, на это есть четкое указание «отца истории»: «*В то время в Азии не было народа сильнее и воинственнее лидийцев; сражались они на лошадях с длинными копьями в руках и были прекрасными всадниками*» (I, 79). В дальнейшем Геродот отметит, что когда Кир «*увидел перед собой ряды лидийцев, выстроившихся к бою, он пришел в ужас от лидийской конницы*» (I, 80). И как следствие, отказался от кавалерийской атаки. Любопытное описание битвы лидийцев во главе с Гигесом против эллинов из Смирны оставил древнегреческий поэт Мимнерм, родом из Колофона. Вот как он описал подвиги греческого военачальника:

«Не о такой его силе и мужестве духа я слышал
От живших раньше меня, которые видели сами,
Как он теснил **густые ряды конеборных лидийцев**
Перед собой, храбрый муж, на Гермосской равнине.
И ведь совсем не была недовольна Паллада-Афина
Мужеством пылкого сердца в час роковой тот, когда он
В битве кровавой войны устремлялся на воинов мощных,
Горькие стрелы врагов духом осилив своим...»¹³

Обратим внимание на «*густые ряды конеборных лидийцев*». Это свидетельствует о том, что лидийские всадники сражались плотным строем и обладали большой ударной мо-

¹³ История Древнего Востока. Тексты и документы. С. 370.

щью. Недаром их так опасались враги – царская конница могла запросто прорвать пехотный строй любой армии Азии, где воины не владели искусством фаланги. Правители Лидии уделяли огромное внимание своей кавалерии. На обширных равнинах Сард, Герма и Каистра паслись многочисленные царские табуны, забота о конском составе была признана делом государственной важности. Недаром хоровой лирик Вакхилид в своей песне величал *«укротителем коней, владыку Лидии Креза»*¹⁴.

С пехотой дело обстояло сложнее. Однако на основании свидетельства Геродота можно предположить, что именно пехотинцы были наемниками в армии Креза: *«Войско же свое, состоявшее из иноземцев, которое сражалось с персами, он отпустил все»* (I, 77). Поскольку в битве при Фимбраре лидийская кавалерия сражалась в полном составе, то можно допустить, что ушла именно наемная пехота. Скорее всего, это были ионические греки, умевшие сражаться фалангой и поэтому крайне востребованные в армии Лидии. Могли быть воины из Кари и Ликии. Ксенофонт упоминает среди войск Креза отряд египетской пехоты, который был либо нанят за деньги, либо прислан фараоном Яхмосом II, союзником Креза. Впрочем, соседство с греческими городами Малой Азии не могло не отразиться на военном деле в Лидийском царстве. Недаром Геродот отметил, что *«вооружение лидийцев очень походило на элинское»* (VII, 74).

¹⁴ История Древнего Востока. Тексты и документы. С. 372.

В отношении малоазийских греков сын Алиатта проводил политику отца и деда. Чувствуя за собой силу и видя, что среди его противников нет единства, лидийский царь действовал быстро и напористо. Он помнил, как Милет в одиночку сражался против лидийцев, и не сомневался, что и в этот раз эллины будут разобщены. Право сильного было на стороне Креза, и он даже не озаботился найти благовидный предлог для агрессии против соседей: *«Эфесцы первые подверглись нападению Креза; потом и остальные ионяне и эолийцы испытали то же, одни за другими, причем каждый раз Крез выставлял новые предлоги, измышляя против одних тяжкие обвинения, против других ничтожные»* (Herod. I, 26). Сначала царь захватил Эфес, а затем остальные города Ионической Греции. После этого пришла очередь эолийцев, так же не устоявших перед натиском лидийской армии. Воодушевленный успехами, Крез решил было захватить и греческие острова, в частности Хиос и Самос, однако вовремя одумался и отказался от этого намерения. Воевать на море с эллинами было глупо, и даже если бы царь построил флот, то исход этого противостояния можно было предсказать заранее. Поэтому Крез заключил с островными эллинами мир, а побежденных греков обложил данью, но, судя по всему, она была незначительной.

Геродот перечисляет внешнеполитические успехи сына Алиатта: *«С течением времени покорены были Крезом почти все народы, обитающие по сю сторону реки Галис, за исклю-*

чением киликийцев и ликийцев (именно: лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы, финны и вифины, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы, памфилы)» (I, 28). Диодор Сицилийский также отметил могущество легендарного правителя: «Лидийский царь Крез, располагавший огромными [военными] силами и накопивший множество серебра и золота» (IX, 2).

Царь Лидии воевал вдоль южного побережья Понта Евксинского и разрушил город Сидену, о чем есть упоминание у Страбона: «Крез после взятия Сидены, куда бежал в поисках убежища тиран Главкия, изрек проклятие на тех, кто будет снова укреплять это место» (XIII, I, 42). Не верить географу у нас нет оснований, и получается, что Крезу удалось подчинить практически весь причерноморский регион Малой Азии. Это вытекает из описания местоположения Сидены: «После Фемискиры идет Сидена – плодородная равнина, хотя и не столь обильно орошаемая, как Фемискира. На побережье ее находятся укрепления: Сиды, по имени которой она названа Сиденей, Хабака и Фабда. До этого места простирается область Амиса... За Сиденей находится укрепленный город Фарнакия. За ним идет греческий город Трапезунт» (Strab. XII, III, 16, 17).

Лидийский царь перешел реку Галис и вторгся непосредственно в сферу интересов мидийцев, однако никакой реакции на это не последовало. Не исключено, что Крез заранее все обговорил с Астиагом и действовал в соответствии с

этими договоренностями. Но скорее всего, мидийскому царю просто не было никакого дела до причерноморского региона. Крез медленно, но верно шел к созданию мощнейшего государства и завоеванию большей части Анатолийского полуострова. Но на этом пути он столкнулся с таким же хищником, как и сам, – персидским царем Киrom.

* * *

Кир, сын Кабиза доводился Крезу дальним родственником. Сестра Креза Ариенис была женой мидийского царя Астиага и соответственно приходилась Киру бабкой. Впрочем, в качестве претендента на мидийский престол Кир никогда не рассматривался. У будущего завоевателя были проблемы со старшими родственниками, но ему удалось вооруженным путем отстранить от власти деда и подчинить мидийцев персам.

Как свидетельствует Геродот, Крез сильно упрекал за это Кира. И действительно, лидийский царь неплохо ладил с Астиагом, сквозь пальцы смотревшим на завоевания шурина. Теперь геополитическая ситуация в регионе менялась радикально, поскольку на международной арене появился новый агрессивный игрок. И крепко задумался Крез. Царь понимал, что столкновение с Киrom, за которым теперь стоит вся мощь Мидии и Персии, неизбежно. Вопрос заключался в том, когда оно произойдет. Крез просчитывал различные

варианты развития событий, и по всему выходило, что лучше нанести удар первым: *«Он вознамерился приостановить, насколько возможно, дальнейшее усиление Персидского царства, дабы не дать ему усилиться чрезмерно»* (Herod. I, 46). Впрочем, «отец истории» называет еще одну версию начала войны между Лидией и державой Кира: *«Крез начал войну с Каппадокией по следующим причинам: во-первых, он желал присоединить к своим владениям земли Каппадокии, во-вторых и главным образом доверяясь оракулу, он рассчитывал отомстить Киру за Астиага»* (I, 73).

Здесь Геродот несколько запутался, поскольку Крез начал войну не с Каппадокией, а с персами. Другое дело, что эта земля входила в сферу влияния Кира, и лидийский царь хотел ее захватить. Не исключено, что Крез хотел вернуть на трон Мидии Астиага, и тем самым восстановить баланс сил в Малой Азии. Лидиец был уверен, что всем ему обязанный родственник не будет возражать против активной внешней политики шурина. И возможно, откажется от некоторых территорий в его пользу. Но для этого требовалась сущая малость – сокрушить Кира.

Будучи человеком богобоязненным, царь начал с того, что решил заручиться поддержкой богов. В Дельфы и святилище Амфиария с богатыми дарами были отправлены лидийские послы, которые должны были спросить оракулов о грядущей войне с Киrom. Представ перед жрецами, лидийцы передали им слова своего повелителя: *«Царь лидийцев и про-*

чих народов Крез, почитая этих оракулов единственными у людей, присылает вам дары, достойные ваших изречений, и спрашивает вас, вести ли ему войну с персами и не соединиться ли с каким-нибудь войском» (Herod. I, 53). Ответ, полученный послами, гласил: «Если Крез предпримет войну против персов, то он сокрушит обширное царство» (Herod. I, 53). Очень часто люди выдают желаемое за действительное, не оказался исключением и лидийский царь. Решив, что речь идет о царстве Кира, он начал подготовку к войне.

Прежде всего, Крез заключил союз с Египтом и Вавилоном. Это было выгодно всем участникам соглашения, поскольку три государства оказались под угрозой вторжения персов. Никто в этой троице не знал, на кого из них Кир нападет первым, и сам ход событий подталкивал договаривающиеся стороны к объединению усилий в борьбе с персидской угрозой. Уже упоминалось, что фараон Яхмос отправил в распоряжение Креза отряд тяжеловооруженной пехоты.

Также лидийский царь решил вступить в дружбу со спартанцами, о чьей воинской доблести знала вся Ойкумена. В Спарту отправились лидийские послы с предложением дружбы и союза, а спартанцы с готовностью откликнулись на этот призыв. Они и раньше имели дела с Крезом, царь не раз оказывал суровым воинам некоторые услуги финансового характера. В частности, подарил золото для статуи Аполлона в одно из святилищ.

Впрочем, среди греков нашлись те, кто был недоволен та-

ким союзом. Например, в Мессении: *«Они [мессеняне] упрекали лакедемонян и за то, что они первые из эллинов заключили дружбу с варваром Крезом, который посылал им подарки, даже после того, когда он поработил живших в Азии эллинов и даже тех дорян, которые поселились на Карийском материке»* (Paus. IV, 5, 3). Но спартанцам не было абсолютно никакого дела до того, что кто-то выражает недовольство их действиями. Они заключили договор с Крезом и были готовы выполнить все его условия.

Диодор Сицилийский пишет о том, что накануне войны Крез отправил в Грецию с большой суммой денег верного человека Эврибата. Официальной целью поездки был объявлен визит в Дельфы, но в действительности Эврибат должен был наембовать в Элладе наемников. Однако посланник не оправдал высокого доверия, прихватил золото и убежал к Киру. Благодаря такому нехорошему поступку мошенник вошел в историю: *«Коварство Эврибата до сих пор известно среди эллинов, и, если кто желает осрамить другого за мошенничество, то называет его Эврибатом»* (Diod. IX, 32).

До этого момента Крез действовал очень разумно и взвешенно, просчитывая все возможные последствия своих решений. Но как только царь почувствовал себя достаточно уверенно, то стал совершать ошибку за ошибкой. Не скоординировав своих действий с союзниками (или вообще не поставив их в известность), он открыл боевые действия про-

тив персов. Лидийская армия перешла реку Галис, служившую границей между двумя державами и вторглась в Каппадокию. Город Птерия был захвачен сходу, а его жители проданы в рабство. После этого Крез занял еще несколько городов.

Здесь есть один интересный момент. Дело в том, что Геродот указывает местонахождение Птерии: *«Птерия – укрепленный пункт в стране; находится она вблизи Синоп, почти у самого Евксинского Понта»* (I, 76). Но Крез уже здесь воевал и захватил эту территорию, ведь Сидена находится гораздо дальше на восток, а мы помним, что лидийский царь ее разорил. Поэтому напрашивается вывод, что причиной войны между Крезом и Киром были не только указанные выше причины. Если Астиаг сквозь пальцы смотрел на захваты шурина в Причерноморском регионе, то Кир с этим мириться не хотел. Не исключено, что персидский царь вернул эти земли себе и тем самым спровоцировал вторжение Креза в Каппадокию. Вторжение, которое не было должным образом подготовлено. Но лидиец очень хотел вернуть Птерию, поторопился открыть боевые действия и тем самым допустил первую ошибку.

Желал Крез в этот момент столкновения с персидской армией или нет? Скорее всего, нет. В пользу этого предположения говорит тот факт, что лидийская армия была немногочисленна. Об этом конкретно прописано у Геродота: *«Крез находил свое войско малочисленным; и в самом деле, оно бы-*

ло гораздо меньше Кирова» (I, 77). Возможно, Крез хотел просто вернуть утраченные города, оставить там гарнизоны, а затем уйти в Лидию. И пока Кир будет занят в Каппадокии, как следует подготовиться, дождаться союзников, после чего всеми силами ударить на персов.

Однако персидский царь среагировал молниеносно. Крез и опомниться не успел, как в Каппадокии объявился Кир.

* * *

Кир был не только толковым военачальником, но и счастливым человеком. До поры до времени персидскому царю везло, и там, где любой другой человек свернул бы себе шею, Кир выходил сухим из воды. Победу над Астиагом он одержал не благодаря своим талантам, а только потому, что мидийская знать была недовольно его дедом. В противном случае сын Камбиза так бы и жил в своей Персиде, а мир никогда не узнал человека по имени Кир Великий. Оказавшись во главе мощнейшего государственного образования из Мидии и Персии, царь решил все ресурсы свой державы направить на завоевание соседних земель. Но будучи человеком осторожным, он решил немного выждать и укрепить свою власть в стране. Кир знал, что со всех сторон окружен врагами, и уже выслушал претензии Креза по поводу свержения Астиага. Но промолчал. За это время персидские отряды привели под власть Кира обширные мидийские земли, а заодно вос-

становили границу по реке Галис. Но тут последовало вторжение Креза, и персидский царь был вынужден дать врагу адекватный ответ.

Накануне решающего столкновения с лидийцами Кир решил ослабить врага и отправил агентов к ионическим грекам, предлагая им не поддерживать Креза. Эллины отказались. Судя по всему, власть лидийцев не была достаточно обременительной, и существующее положение дел малоазиатских эллинов устраивало. Кир понял, что может рассчитывать только на себя, и выступил в Каппадокию. Прибыв на место, он отправил к Крезу посла, заявившего, что если царь Лидии признает себя слугой Кира, то сын Камбиза простит ему прежние ошибки и назначит его сатрапом Лидии. Крез только посмеялся над такой наглостью и дерзко ответил, что *«быть слугами надлежит Киру и персам, поскольку в предыдущие времена они пребывали в услужении у мидян, он же никогда не делал того, что приказывал другой»* (Diod. IX, 31). Битва стала неизбежной.

Здесь есть смысл рассмотреть военную организацию Ахеменидов и понять ее сильные и слабые стороны. Прежде всего, отбросим в сторону известный нам со школьной скамьи миф о неисчислимых персидских полчищах. Армии первых Ахеменидов были достаточно компактными и формировались из персов и мидийцев. На эту особенность персидской армии обратил внимание немецкий военный историк Ганс Дельбрюк: *«Персы создавали свое войско на основе не ко-*

личественного, но качественного принципа»¹⁵ (с. 63). Кир Великий, создатель Персидской державы однозначно не мог ставить в ряды своей армии воинов с покоренных территорий, поскольку со времени их завоевания прошло очень мало времени. В этих землях еще сильна была ненависть к захватчикам. Это относится и к сыну Кира Камбизу и к начальному периоду царствования Дария I. Дарию вообще пришлось воевать с мидийцами, которые воспользовались смутой в стране и решили добиться независимости. Поэтому мне представляется совершенно справедливым вывод Дельбрюка: *«Персидское государство состояло из национально-персидского ядра и многочисленных подчиненных народностей. Из этих последних персидские цари не набирали бойцов. Месопотамцы, сирийцы, египтяне, малоазиатские народности составляли невоинственную, платившую дань массу; исключением являлись финикийские и греческие моряки, из которых, разумеется, комплектовались матросы для военного флота»* (с. 62). Но так будет продолжаться недолго. Со временем в рядах персидской армии массово появятся представители других народов, и произойдет это при сыне Дария I, Ксерксе. Перед походом на Элладу в 480 г. до н. э. он задействует все ресурсы своей державы и соберет действительно очень большое войско, поразившее воображение современников.

¹⁵ Здесь и далее: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. Античный мир. СПб.: Наука; Ювента, 1999.

Ядром армии Ахеменидов были царские телохранители, в рядах которых служили представители персидской, а впоследствии и мидийской знати. Этот корпус насчитывал 1000 пеших и 1000 конных бойцов. Их отличительной чертой были золотые и серебряные шары на копьях, из-за чего этих воинов называли «*держатели яблока*». Эти бойцы отличались великолепной подготовкой и были хорошо вооружены. Кроме отряда царских телохранителей основу персидской армии составляли подразделения отборной пехоты, получившие название «бессмертные». Произошло это потому, что вместо погибшего воина в ряды «бессмертных» сразу же зачислялся новый боец, и численность корпуса всегда оставалась неизменной – 10 000 человек. Об этом сохранилось свидетельство Павсания, сравнившего военную организацию галатов и персов: «*Как мне кажется, такая тактика введена у галатов в подражание отряду с неизменным числом в 10 000 у персов, которые у них называются Бессмертными. Разница только в том, что персами умершие замещаются после сражения, а у галатов число всадников пополняется в самый разгар боя*» (X, XIX, 6). «Бессмертные» были защищены тяжелыми доспехами, а вооружены копьями, мечами, боевыми топорами и луками.

Вот как описывает Геродот персидскую гвардию во время похода Ксеркса на Элладу: «*Позади его шли копьеносцы, храбрейшие и знатнейшие из персов, числом тысяча, с поднятыми копьями. Далее следовала другая тысяча всадников*

из отборных персов; наконец, за этой конницей шло десять тысяч пехоты, выбранной из числа прочих персов. Тысяча человек пехоты имели на своих копьях вместо нижних острых концов золотые гранатовые яблоки. Эти воины кольцом окружали остальных воинов. Девять тысяч человек шли в середине и имели на копьях серебряные гранатовые яблоки. Впрочем, золотые гранатовые яблоки имели и те воины, которые шли с опущенными к земле копьями, тогда как те, что были ближе к царю, имели на копьях золотые яблоки (вместо гранатов). За этими десятью тысячами следовало десять тысяч персидской конницы» (VII, 41).

Исключительную роль в армии Ахеменидов играли личные дружины персидских аристократов: «Надо представлять себе, что все сатрапы от Черного моря до Красного, вступая в должность, приводили с собою большую национально-персидскую дружину, из которой они набирали своих телохранителей и придворных, а также гарнизоны для наиболее важных укрепленных пунктов. Налоги и взимаемая сатрапом дань натурой давали ему возможность не только содержать эти дружины, но также пополнять их в случае нужды наемниками из воинственных племен, многие из которых оставались в этом огромном государстве в полунезависимом, а иногда и вовсе независимом положении» (с. 63). Вывод, который делает Дельбрюк, вполне закономерен: «Персы были профессиональными воинами» (с. 64). Впрочем, все это можно отнести и к мидийской знати,

недаром античные авторы часто называют персов мидийцами. Это были умелые воины и храбрые люди, недаром «отец истории» отметил, что у персов важнейшая доблесть мужчины – храбрость на поле боя (I, 136).

Вывод Дельбрюка подтверждает система воспитания и подготовки персов. До наших дней дошел рассказ Геродота о том, как знатные персы готовили своих сыновей к военной службе: *«Начиная с пятилетнего возраста и кончая двадцатилетним обучают они детей только трем предметам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости»* (I, 136). Аналогичную информацию сообщает и Страбон: *«С пятилетнего возраста до 24 лет дети упражняются в стрельбе из лука, в метании дротика, в верховой езде и борьбе... Перед утренней зарей учителя будят юношей звуком медных инструментов и собирают их в одно место, как бы на военный парад или на охоту. Разделив их на отряды по 50 человек и назначив предводителем каждого отряда кого-нибудь из сыновей царя или сатрапа, учителя приказывают бежать за предводителем, выделив пространство длиной в 30 или 40 стадий. Кроме того, учителя требуют от учеников отчета в каждом уроке и вместе с тем заставляют их громко говорить, упражнять дыхание и легкие, а также приучают переносить жару, холод и дожди и переходить бурные потоки, сохраняя при этом сухим оружие и одежду»* (XXV, III, 18). Интереснейший факт мы находим у Афиней: *«Пляске персы обучаются так же обязательно,*

как верховой езде, и считается, что упражнения в таких движениях развивают телесную силу» (X, 45). Пусть и отдаленно, но все это напоминает воспитание рыцарей в Средние века. Сказки античных авторов об изнеженных азиатах можно отбросить за ненадобностью. Недаром Страбон отметил, что *«персы участвуют в походах в качестве простых воинов и начальников с 20 до 50 лет, как в пехоте, так и в коннице»* (XXV, III, 19).

Со времен Ксеркса каждый сатрап приводил под царские знамена определенное количество воинов с вверенных ему территорий. При этом снаряжение и обеспечение этих отрядов всем необходимым возлагалось на самих сатрапов. Об этом свидетельствует речь Ксеркса к своим военачальникам накануне похода в Элладу: *«Я буду признателен, если вы исполните следующее: каждый из вас должен явиться со всей поспешностью к тому времени, которое я для этого назначу, и тот, кто явится с лучше всего вооруженным войском, получит от меня такие подарки, какие считаются у нас наиболее почетными»* (Herod. VII, 8). Получить дары из рук владыки хотелось всем сатрапам, но еще больше не хотелось лишаться головы за неисполнение царской воли.

Персидское войско не было большой неорганизованной толпой, вооруженной копьями и мечами, как это иногда пытаются представить: *«Ахеменидская армия была организована на базе десятиричной системы: десять человек образовывали отряд под командованием дашапати (букв. – “гла-*

ва десяти [человек]”); десять таких отрядов образовывали соединение под командованием шатапати (букв. – “глава ста [человек]”); десять таких отрядов образовывали соединение под командованием хазарпати (букв. – “главатысячи [человек]”, греч. – хилиарх; десять таких отрядов образовывали войско под командованием байварapati (букв. – “глава десяти тысяч [человек]”); всем войском руководил военачальник (древнеперс. – спадапати) или в редких случаях – каран (древнеперс. карана) с гражданскими полномочиями. Наиболее высокие посты в войске занимались родственниками и друзьями Великого царя, которые, к тому же, принимали активное участие в ходе боя»¹⁶. Все расписано достаточно четко, и сразу понятно, кто за что отвечает и кто кем командует. На данный факт обращает внимание и Геродот. Рассказывая о военачальниках армии Ксеркса, он отметит: «Они выстроили воинов в порядок, сосчитали их, назначили начальников тысяч, десятков тысяч, а начальники десятков тысяч назначили сотников и десятников. Кроме того, каждая часть войска и каждая народность имели своих вождей» (VII, 81).

Ахемениды располагали великолепной тяжелой конницей, где наездники и кони были защищены прочными доспехами. После завоевания Мидии персы очень многое переняли в военном деле у своих бывших врагов, особенно это заметно в организации тяжелой кавалерии. Описание снаря-

¹⁶ Гюиз Ф. Древняя Персия. С. 91.

жения персидских всадников на битву сохранилось у Ксенофонта: *«На следующий день утром Кир стал приносить жертвы, а остальные воины, позавтракав и совершив возлияния богам, стали облачаться в красивые хитоны, в великолепные панцири и шлемы. Они украшали и коней, надевая на них налобники и нагрудники; на верховых коней надевали еще набедренники, а на лошадей, запряженных в колесницы, – брони, защищавшие им бока. Все войско засверкало медью и запылало пурпуром»* (Суг. VI, IV,). Далее Ксенофонт подробно рассказывает о том, как была вооружена личная охрана Кира Великого: *«Воины, окружавшие Кира, все были снаряжены так же, как он сам, то есть одеты в пурпурные хитоны, в медные панцири и медные же шлемы с белыми султанами, а вооружены – мечами и копьями с древком из кизилового дерева, каждый всадник – одним таким копьем. Кони их были защищены медными налобниками, нагрудниками и набедренниками; последние служили одновременно защитой и всаднику»* (Суг. VII, I). Это – свидетельство человека, который лично видел в деле персидскую конницу.

Могут возразить, что Ксенофонт жил значительно позже Греко-персидских войн и за это время в военном деле у персов произошли значительные изменения. Что к моменту конфликта с элинами Ахемениды не располагали тяжелой кавалерией. Но это будет не более чем заблуждение. Свидетельство Геродота подтверждает информацию Ксенофонта. Вот как описывает «отец истории» гибель командира пер-

сидской конницы Масистия: «*Между тем как конница напала отрядами, конь Масистия, находившийся впереди всей конницы, был ранен стрелой в бок, от боли поднялся на дыбы и скинул с себя всадника. Когда Масистий упал, афиняне тотчас бросились на него; они схватили его лошадь и его самого, несмотря на сопротивление, умертвили. Сначала это не удавалось им, ибо на Масистии было следующее вооружение: на теле он имел золотой чешуйчатый панцирь, а поверх панциря надета была пурпурная туника; удары по панцирю не производили никакого действия, пока кто-то не заметил этого и не поразил Масистия в глаз. После того он упал и испустил дух» (IX, 22).*

Не менее красочное описание гибели командира персидской конницы оставил и Плутарх: «*Конь под Масистием, раненный стрелой, сбросил седока; упав, Масистий остался недвижим (тяжесть вооружения не давала ему подняться на ноги), но и афиняне никак не могли до него добраться, хотя и осыпали градом ударов: не только грудь и голову – даже руки и ноги Масистия прикрывали золотые, медные и железные латы. Наконец кто-то прикончил его, ударив древком копья туда, где в отверстие шлема был виден глаз» (Aristid. 14).* Как говорится, без комментариев.

О кавалерии Геродот напишет, что «*не все народы доставляли всадников, но только поименованные ниже: прежде всего персы, вооруженные так же, как и персы пешие, но только некоторые всадники имели на голове медные*

или железные уборы чеканной работы» (VII, 84). По свидетельству «отца истории», персидская пехота носила чешуйчатые панцири, соответственно, эти доспехи были распространены и среди всадников. Ксенофонт, когда будет подводить итоги битвы при Фимбраре, особо подчеркнет, что *«в войске Кира лучшей оказалась персидская конница. Поэтому еще и теперь сохраняется у персидских всадников то вооружение, которое ввел для них тогда Кир»* (Суг. VII, 1).

Воинские традиции первых Ахеменидов будут жить в персидской армии до самого падения державы. Недаром Курций Руф в «Истории Александра Македонского» отметит наличие панцирной кавалерии в армии Дария III: *«Покрытием всадников и коней служили панцири из железных пластинок, рядами скрепленных между собой»* (IV, 9). Вооружены воины тяжелой конницы были ударным оружием, мечами, луками и короткими копьями, больше напоминавшими дротики. Время длинных пик парфянских и сарматских катафрактариев еще не наступило.

В основной своей массе персидская конница была легковооруженной, ее главной задачей было вести бой на дальней дистанции: *«Всадники ударили и причиняли вред всему эллинскому войску; они метали копья и стрелы, и сразиться с ними было трудно, потому что они метали с лошадей»* (Herod. IX, 49). Об этом же пишет и Ксенофонт, когда рассказывает о тренировках воинов Кира, стремившихся *«показать себя лучшими наездниками, искуснейшими ме-*

тателями копья и стрелками из лука, прилежными и трудолюбивыми воинами» (Суг. VI, II).

Соответственно воины легкой кавалерии не были защищены доспехами, поскольку их преимущество заключалось именно в мобильности. Но с другой стороны, именно комбинация панцирной кавалерии и конных стрелков позволяла персидским военачальникам успешно решать стоявшие перед ними задачи.

Теперь рассмотрим положение дел в пехоте. Вот что пишет по данному вопросу Страбон: *«Вооружение персов состоит из плетеного щита ромбоидальной формы; кроме колчана, у них есть еще секиры и сабли; на голове они носят войлочную шапку в виде башины; панцирь у них чешуйчатый»* (XXV, III, 19). Похожую информацию о снаряжении персидского бойца сообщает и Ксенофонт: *«Оно состоит из панциря, одеваемого на грудь, плетеного щита, который носят в левой руке, кривой сабли или секиры, которую носят в правой»* (Суг. II, I).

Окончательно проясняет ситуацию Геродот, подробно описавший снаряжение персидских воинов: *«На голове шапки из плохо сбитого войлока, называемые тиарами, на теле пестрые хитоны с рукавами, панцирь из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи, на ногах итаны; вместо щита они имели плетенку, под которой висел колчан; копья короткие, луки большие, стрелы тростниковые, наконец, короткие мечи на правом боку, висящие на поясе»* (VII, 61). Под

коротким мечом «отец истории» подразумевает «персидский меч, называемый у персов “акинака”»¹⁷ (VII, 54).

Обратим внимание на один момент. Дело в том, что по ходу рассказа о событиях Греко-персидских войн мы будем сталкиваться с персидскими бойцами, которые в качестве защиты носят большие плетеные щиты. «Спарабара (щитоносцы) несли огромные плетеные щиты, которые защищали весь строй. Десять щитоносцев выстраивались в одну линию, за каждым из них следовали девять рядов стрелков из лука, вооруженных короткими мечами и колчанами. Иногда щитоносцы были вооружены пиками длиной 1,8 м на тот случай, если вражеские пехотинцы подойдут вплотную к их линии»¹⁸. Большие щиты устанавливали в ряд и подпирали кольями.

В этом контексте довольно странными выглядят заявления о том, что основная масса персидской пехоты сражалась без защитного снаряжения. При этом обычно ссылаются на слова тирана Милета Аристагора спартанцам о том, что «вооружение их – луки и короткие копья; в битву идут они в штанах и с тиарами на головах» (Herod. V, 49). В дальнейшем тиран будет развивать эту тему, но уже в Афинах: «Аристагор говорил то же самое, что и в Спарте: об имеющихся в Азии богатствах, о персидском способе ведения войны, о том, что персы не употребляют ни щитов, ни копий и что

¹⁷ Акинак – короткий меч, с клинком длиной от 40 до 6 см.

¹⁸ Фаррох К. Персы. Армия великих царей. С. 84.

их легко одолеть» (Herod. V, 97). Чтобы понять нелепость данного утверждения, надо просто обратить внимание на то, когда и где милетянин говорил такие речи. А сказано это было в Афинах и Спарте, куда Аристагор прибыл с официальным визитом. Цель авантюриста была простой – любой ценой втянуть балканских греков в войну с персами на стороне малоазийских эллинов. Ради этого Аристагор нес всякую чушь и преуменьшал военный потенциал державы Ахеменидов.

Хотя в дальнейшем положение дел изменится. Во время похода Ксеркса на Элладу в 480 г. до н. э. в рядах армии вторжения действительно появиться множество воинов, у которых не будет надежного защитного снаряжения. Связано это будет с тем, что помимо персов и мидийцев в походе примут участие представители многочисленных народов, населяющих державу Ахеменидов. В силу объективных причин царь просто не сможет снарядить их так, как собственно персидские войска, и эта тенденция будет продолжаться вплоть до походов Александра Македонского.

Для нас принципиальным моментом является факт активного использования лука в персидской пехоте. Помимо лучников в армии были и отряды пращников: *«У каждого есть лук и праща»* (Strab. XXV, III, 19). Все эти факторы диктовали тактику пехоты Ахеменидов на поле боя, на что и указал Е.А. Разин: *«Метательный бой был основным видом боя. Мечи и короткие копья являлись второстепенным*

*оружием»*¹⁹ (с. 85).

Обратим внимание на такой род войск, как боевые колесницы. Ксенофонт свидетельствует о том, что именно Кир Великий превратил их в машины для убийств, распорядившись крепить к ним серпы и косы: *«Кир отказался от прежнего способа использования колесниц. Вместо этого он соорудил новые боевые колесницы, с крепкими колесами, чтобы они меньше ломались, и на длинных осях, потому что широкая повозка меньше рискует перевернуться. Кузов для возничих он велел сделать, как башню, из крепких досок. Высота его доходила до уровня локтей, так чтобы можно было править лошадьми над кузовом. Возничих он одел в панцири, закрывавшие все, кроме глаз. Затем он велел приделать железные серпы, примерно в два локтя длиною, к осям по обе стороны колес и другие серпы – под осью, направленные вниз в землю, чтобы возничие могли гнать колесницы прямо на врагов. Этим типом колесниц, который тогда ввел Кир, пользуются еще и сейчас все народы, живущие во владениях персидского царя»* (Суг. VI, I). Боевые колесницы будут использовать даже полководцы Митридата, хотя к этому времени они станут анахронизмом на поле боя. Идущие в атаку колесницы были жутким зрелищем: *«Кони, запряженные в эти колесницы, одеты в броню, возничие стоят на них, словно в деревянных башнях, и тела их, возвышающиеся над кузовом, сплошь закрыты панцирями и шлемами, а*

¹⁹ Здесь и далее: Разин Е. История военного искусства. Полигон, АСТ, 1999.

по окружности у осей приделаны железные серпы, чтобы можно было гнать эти колесницы прямо на вражеские ряды» (Суг. VI, II). Но действовать они могли исключительно на ровной местности, недаром накануне битвы при Гавгамелах Дарий III распорядился выровнять равнину в тех местах, где колесницы пойдут в атаку. Против мобильных и легковооруженных войск, действовавших в рассыпном строю, они также были бессильны. Зато колесницы с косами представляли смертельную опасность для плотных порядков тяжелой пехоты противника. Недаром при описании битвы при Фимбраре Ксенофонт наравне с кавалерией выделит и этот род войск: *«Особенно отличились также серпоносные колесницы, вследствие чего и этот род оружия до сих пор остается в чести у персидских царей»* (Суг. VII, 1).

На момент столкновения ни Лидия, ни Персидская держава не обладали военным флотом. Крез не заставлял ионических греков поставлять ему корабли и моряков, ограничиваясь только данью, а Киру взять их было просто негде. Персы еще не захватили ни один крупный приморский город, чтобы превратить его в военно-морскую базу.

* * *

О битве при Птерии, где лидийская армия встретила войсками Кира Великого, никакой подробной информации не сохранилось, за исключением рассказа Геродота: *«Когда*

Кир явился и расположился лагерем против Креза, у Птериши произошло ожесточенное с обеих сторон сражение; противники потеряли много убитыми, а по наступлении ночи разошлись, причем ни на одной стороне не было победы. ... С одинаковым мужеством сражались оба войска

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.